

Заклучив с Ван Джи пари, Тан Фан покинул его и, заметив, что час уже поздний, отправился прямым домой.

В эти дни из-за дела Восточного дворца он без конца бегал то во Дворец, то в Западную Ограду, а иногда и в особняк Хань. На работу в префектуре Шунтянь времени не оставалось, однако господин Пань с радостью предоставил ему отпуск до конца расследования, чтобы Тан Фану не пришлось каждый день являться с докладом в префектуру.

Конечно, он все равно занимался расследованием, однако между работой по расписанию в префектуре и свободным графиком разница была очевидна. И хотя господин Тан был не из бездельников, время от времени поленившись он был рад.

С окончанием расследования его свободная жизнь также подошла к концу. Господин Тан чувствовал себя немного разбитым. Он решил не заглядывать по пути в свою любимую закусочную с вонтонами, а пойти сразу домой...

Конечно, в таком случае было бы замечательно, если бы А Дун сегодня приготовила чего-нибудь поесть. Господин Тан не хотел повторения истории с рисовыми булочками натошак и болями в животе.

Небо уже начало темнеть. Еще на подходе Тан Фан заметил дым от печи с кухни и, кажется, даже почувствовал запах еды, что значительно подняло ему настроение. Мурлыча себе под нос какую-то незатейливую мелодию, он радостно зашагал к дому.

Где бы ты ни был, дома все равно лучше!

Ворота во двор были не заперты, а слегка приоткрыты. Стоило ему зайти, как он тотчас услышал разговор и залихватистый смех. Казалось, он смутно различил и знакомый мужской голос.

Суй Джоу вернулся?

Тан Фан сначала опешил, а затем на его лице расцвела счастливая улыбка.

Правда, прежде чем Тан Фан успел сделать шаг вперед, он заметил, что дверь, соединяющая столовую с главным залом, была распахнута настежь, а стол внутри ломился от яств. Малютка А Дун как раз выходила с кухни со свежеприготовленным блюдом в руках, крича на ходу:

— Братец Суй, сестрица Чжоу, все готово! Братец точно снова не успеет к ужину, так что давайте есть!

В зале подле стола стояли мужчина и женщина.

Мужчиной, без сомнения, был Суй Джоу, которого Тан Фан не видел уже так много дней. Он выглядел немного исхудавшим, но при этом более стройным и подтянутым. Казалось, прошло какое-то время с момента его возвращения: он успел сменить наводящую страх форму Императорской Стражи на повседневные одежды, что делали его похожим на драгоценный меч, спрятанный в ножнах. Он был как обгаренный кровью клинок, скрываемый под простым платьем.

Такому человеку не нужно облачаться в доспехи и носить при себе меч. Ему достаточно лишь просто стоять – и даже так он не останется незамеченным.

Женщиной оказалась его двоюродная сестра из семьи Чжоу, которую Тан Фан повстречал на днях. В прошлый раз она не смогла отыскать Суй Джоу, теперь, по всей видимости, ей все-таки удалось встретиться с ним.

Тан Фан не слышал, что она сказала, но на серьезном лице Суй Джоу вдруг появилась легкая улыбка, а ее смех разносился по дому, как перезвон серебряных колокольчиков. Они стояли не слишком близко, но и не слишком далеко друг от друга, как раз так, как и следовало. Их руки, казалось, вот-вот соприкоснутся, хотя они никак не задевали друг друга. В глазах Тан Фана это выглядело немного двусмысленно, а, может, и нет – он не решил.

А Дун вбежала в зал с едой в руках и что-то сказала девушке. Они обе рассмеялись, как будто были близки друг с другом.

«Сколько они знают друг друга, что уже не разлей вода? Ко мне, к своему старшему брату, чувствуешь не такую привязанность, да?!» – подумал господин Тан. И в глубине своего сердца он, хоть и не признался в этом самому себе, почувствовал укол ревности.

Он стоял в тени дерева, скрытый от их взора. К тому же уже стемнело, что позволило ему остаться незамеченным.

Заметив, что все трое садятся за стол и собираются есть, не дождавшись его, Тан Фан, вместо того чтобы зайти, неожиданно для самого себя, развернулся и тихо удалился.

С наступлением ночи в тысячах домов зажигались огни, и семьи собирались за ужином. Господин Тан никогда не был особо экспансивным или сентиментальным человеком, но сегодня почему-то, увидев этих троих мирно беседующими и смеющимися, он почувствовал себя лишним. Как будто они были семьей, а он, внезапно ворвавшись, мог потревожить их.

«Хуже всех эта А Дун! Взрослой девушке не место в семье? Эта еще не взрослая, а уже всю налаживает связи с посторонними!» – пробурчал себе под нос Тан Фан, не заметив, как нелогично это прозвучало. Заложив руки за спину, как старик, он обошел дом Суй и добрался до его задней двери.

Вновь ощутив исходящий изнутри запах еды, он погладил живот и еще больше почувствовал себя голодным. Подумав, не сходить ли ему поесть в городе, Тан Фан решил, что и без того слишком много бегал в последнее время туда-сюда, хоть иногда ему и удавалось прокатиться на паланкине. Он не относился к числу тех, кому частенько приходится куда-то торопиться. Расслабившись, Тан Фан почувствовал, как с непривычки болят его уставшие ноги. Ему было так лень двигаться, что он просто сел на порог, бездумно глядя в звездное небо.

Близился сентябрь, и с наступлением темноты начинало холодать.

Чихнув, господин Тан ощутил, как его одолевает сонливость.

Он прислонился головой к дверному косяку и не заметил, как погрузился в сон.

И спал очень крепко, как убитый.

Тан Фан не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он заснул. Почувствовав какую-то тяжесть во всем теле, он открыл глаза.

Было совершенно темно, однако свет со двора позволил ему разглядеть перед собой человека.

— Гуанчуань? – сонно проговорил господин Тан, а затем увидел подле него еще одну фигуру. – А Дун? Почему вы здесь?

Теперь он понял, что тяжесть в теле была из-за плаща, которым Суй Джоу накрыл его.

— Братец, – уперев руки в бока, принялась трещать А Дун, – что это значит? Мы тебя ждали-ждали, а ты так и не вернулся! Мы до смерти перепугались. Братец Суй даже собирался пойти тебя искать. А ты все это время просидел тут! Почему не зашел в дом?!

Тан Фан только что проснулся, его лицо было совершенно пустым, а взгляд расфокусированным. С мыслями собраться тоже не получалось.

Заметив, что А Дун намерена добавить что-то еще, Суй Джоу остановил ее, а затем помог Тан Фану подняться.

После долгого сидения ноги того онемели. Скривившись от боли, Тан Фан чуть не упал вперед себя.

К счастью, Суй Джоу отреагировал молниеносно и придержал его за пояс.

— Идти можешь? – нахмурившись, спросил Суй Джоу, всем своим видом показывая, что в противном случае он дотащит его до дома.

Дабы сохранить свое достоинство, господин Тан тотчас отозвался:

— Ничего страшного, я просто слишком долго сидел. Немного постою – и все пройдет.

— Почему не зашел в дом? – спросил Суй Джоу, повторив только что заданный А Дун вопрос.

Тан Фан внезапно почувствовал себя немного виноватым. Коснувшись своего носа, он проговорил:

— Вернувшись, я так устал, что решил присесть тут ненадолго. Сам не заметил, как уснул, – закончив свою речь, он осознал, как неубедительно это прозвучало.

Ведь кем был Суй Джоу? Служащим Северного Двора! Мастером во всем, что касается допросов! Неужели он не мог определить, правду говорит Тан Фан или ложь?!

Под его безмолвным взглядом Тан Фан почувствовал себя еще более виноватым.

Суй Джоу долго смотрел на него, а затем продолжил:

— Пошли в дом. А Дун приготовит имбирный отвар.

А Дун согласно хмыкнула, а затем повернулась и побежала внутрь.

Никто не откажется от тепла заботы, и господин Тан не был исключением. Все его недавние жалобы развеялись без следа, и он мягко улыбнулся, провожая взглядом несущуюся готовить ему имбирный отвар А Дун. В этот момент он подумал, что с тех пор, как он познакомился со своей младшей сестренкой, его жизнь определенно стала более комфортной.

Повздыхав над тем, как ему повезло, Тан Фан повернул голову и заметил, что Суй Джоу все еще смотрит на него.

— Что ты на меня смотришь? – спросил он удивленно.

— Ты похудел, – коротко ответил Суй Джоу, смерив его долгим взглядом.

— Да вроде нет, – Тан Фан пощупал свою щеку, однако разницы не почувствовал.

— Хм, да, – Суй Джоу был уверен в своем умозаключении, и, кажется, даже не спрашивал Тан Фана.

— Как вы с А Дун питались, пока меня не было? – снова спросил он.

— Что значит «как питались»? – рассмеялся Тан Фан. – Три раза в день. Просто я был занят расследованием, поэтому иногда не успевал поесть.

— А А Дун? – продолжал Суй Джоу.

Девочка как раз вошла к ним с тарелкой горячего имбирного отвара. Тан Фан наигранно вздохнул:

— Ей жилось намного лучше. Она частенько бегала в ваш дом, чтобы поиграть с твоей сестрой, и оставалась там на ужин и на ночь. А порой навещала соседей и ела у них. За эти дни столько сэкономили на ней!

А Дун показала ему язык и, надув губы, заметила:

— Братец, кто тебе не давал возвращаться домой вовремя, а? Я порой оставляла тебе еду, но ты ее не съедал. Только зря продукты переводила...

Прервав ее жалобы, Суй Джоу снова спросил Тан Фана:

— Ты еще не ужинал?

Тан Фан ничего не ответил, неловко закашлявшись.

Видя, что тот отмалчивается и делает вид, что не услышал вопроса, Суй Джоу просто встал и вышел.

Стоило ему скрыться, как Тан Фан тотчас дернул А Дун за рукав:

— Кто его обидел? Почему он выглядит так, будто кто-то задолжал ему восемьсот гуаней?

— Как кто? – скривила губы А Дун. – Ты и задолжал!

— Хватит врать, – закатил глаза Тан Фан. – Как это может быть связано с твоим братцем?!

— Очень даже связано! – отозвалась А Дун. – Мы приготовили еду и ждали тебя, а ты не пришел. Братец Суй велел нам с сестрицей Чжоу есть, а сам даже к палочкам не притронулся! Будешь тут веселым, коль не поел!

— Он тоже еще не ужинал? – оторопело проговорил Тан Фан.

Он же сам видел, как эти трое вместе с Суй Джоу сели за стол и собирались есть.

— Как он мог? – хихикнула А Дун. – Братец Суй – хороший друг. Дожидаясь твоего возвращения, он просто неподвижно сидел и смотрел на стол, полный еды! А там были запеченные с медом бараньи ножки и омлет! Братец Суй их лично приготовил! Братец Суй велел нам есть. Сестрица Чжоу сначала вежливо отказывалась, однако я не смогла удержаться. У меня слюнки текли от голода! Так что я просто схватилась за палочки и...

Живот бедного господина Тана свело от голода. Он глядел на А Дун несчастными глазами, приоткрыв рот*. От столь красочных описаний у него самого слюнки потекли!

О! Если бы он знал раньше! Он бы уже давно отведал этих яств! Хотел сохранить лицо? Тан Жунцин! Ах, Тан Жунцин! Лицо нельзя есть!

Он не удержался и, протянув руку, ущипнул А Дун за щеку:

— А вот ты, девчонка, совсем не хороший друг! Только не говори, что ты ничего мне не припасла!

— Запеченные с медом бараньи ножки невкусные, когда холодные! – обиженно закричала А Дун. – Ай, братец, помолчи! Братец Суй настоящий мастер! Ягненок был прожарен до золотистой корочки, даже еще масло капало. В самом конце братец смазал его медом, а затем жарил до тех пор, пока тот чуть-чуть не подгорел. Когда я ела его, он еще дымился. Мясо было таким нежным! Тогда я подумала: «Как жаль, что братец не сможет отведать этой вкуснятины!.. Ах, ладно», – решила я и помогла тебе с этим: съела четыре ножки сразу. У меня живот переполнен! Омлет тоже был очень вкусным, но я больше не могла есть. Ай!..

Печаль переполнила сердце господина Тана. «Замолчи...»

— К тому же сестрица Чжоу тоже приготовила пару блюд, но мне они не очень понравились. Чуть-чуть попробовала и больше не прикасалась. Кажется, сестрица Чжоу и сама их не особо ела. Братец, я открою тебе тайну: думаю, сестрице Чжоу нравится братец Суй так же, как ты нравился сестрице А Ся. Во время еды она все поглядывала на брата Суй, но братец Суй делал вид, будто не замечает этого. Это было так забавно... – А Дун сейчас напоминала курицу-наседку: она громко говорила, смеялась, хихикала и активно жестикулировала. Один раз взмахнув так своей маленькой ручкой, она чуть не поставила господину Тану синяк под глазом.

Ситуация была неловкой. Тан Фан молча ткнул ее, чтобы та остановилась.

К сожалению, маленькая девочка не поняла его намека и продолжала сплетничать о Суй Джоу и его двоюродной сестре.

— Кроме того, я также слышала, как сестрица Чжоу спросила братца Суй: «Двоюродный брат, ты помнишь о соглашении, что заключили наши семьи, когда мы были детьми?» – А Дун скопировала даже выражение лица молодой госпожи Чжоу, наклонив голову и изо всех сил пытаясь продемонстрировать застенчивый взгляд.

Тан Фан еле сдержался от улыбки. Он был не прочь и дальше смотреть на это представление, однако из солидарности к ней как к сестре, решил все-таки любезно одернуть ее:

— А Дун.

— Ну что? – нетерпеливо откликнулась А Дун. – Ты меня совсем не слушаешь! Тут кое-кто вообще-то о важных вещах вещает!

Тан Фан взял девочку за подбородок и слегка повернул ее голову, чтобы та оглянулась.

Только сейчас А Дун увидела стоящего в дверях Суй Джоу, который смотрел на нее без капли эмоций на лице. Она не знала, сколько тот успел услышать.

А Дун: «...»

Суй Джоу: «...»

А Дун предпочла соорудить из себя дурочку: «...»

Суй Джоу бросил на нее взгляд:

— Иди присмотри за дровами, на плите каша варится.

Ощув себя помилованной, А Дун тотчас сбежала от Суй Джоу на кухню.

Суй Джоу обратил свой взор к Тан Фану.

Тот невинно захлопал честными глазами, всем своим видом показывая: «Я без понятия, о чем это она».

— Имбирный отвар остыл, – медленно проговорил Суй Джоу.

— Ой! – вскрикнул Тан Фан и тотчас опустил голову, принявшись за отвар.

В комнате воцарилась неловкая тишина.

К счастью, господин Тан был достаточно умен и сообразителен, чтобы почти сразу придумать тему для разговора и отвлечь внимание Суй Джоу.

— Как там твое дело?

Суй Джоу пододвинул к себе стул и сел:

— На этот раз мы отправились в Цзянси по делу Хуан Цзилуна, главного магистрата префектуры Цзиань.

— Что он совершил? – Тан Фан тотчас подобрался и принялся внимательно слушать.

— Надзорные органы Цзянси направили Императору донесение, в котором говорилось, что за три года, начиная с одиннадцатого года Чэнхуа, магистратом Хуан Цзилуном было замучено более трехсот заключенных, в официальных бумагах числящихся как умерших от болезней.

Лицо Тан Фана скривилось от ужаса:

— Это же безумие!

— Да, – кивнул Суй Джоу. – Северный Двор получил приказ отправиться на место и расследовать это дело вместе с Министерством наказаний и надзорными органами, арестовать Хуан Цзилуна и доставить его в столицу. Вот почему я уехал в такой спешке.

— И как? Все прошло гладко? – спросил Тан Фан.

— А как иначе? – ответил Суй Джоу. – Доказательства против него были достаточно убедительными, Хуан Цзилун не смог их опровергнуть. В общей сложности он замучил четыреста семнадцать человек, среди них было около трехсот заключенных и несколько десятков безвинно осужденных, которых арестовали и незаконно пытали. Однако подсчитав тела, мы обнаружили, что почти дюжина из них пропала. Мы снова допросили Хуан Цзилуна, однако он так и не смог объяснить, как это произошло.

— Почему? – снова спросил Тан Фан.

— Не знаю. Он сказал лишь, что жертв было не так много. Но мы внимательно допросили заключенных и изучили жалобы, поданные семьями погибших. Вышло четыреста семнадцать. Мы не ошиблись. И, скорее всего, жертв было еще больше.

В Великой Мин со времен Императора Инцзуна все императорские чиновники отбирались по строгим критериям. Другими словами, чтобы получить официальную должность, необходимо было сдать Императорский экзамен. Конечно, это был не единственный путь: у лиц, сдавших провинциальный экзамен, также была возможность пробиться, однако по большей части это зависело от удачи и наличия вакантных должностей. И все же, вне зависимости от того, насколько хорошими чиновниками они были, занять позицию выше провинциального губернатора было невозможно, соответственно дорога в столичные чиновники и уж тем более в Кабинет Министров им была заказана.

Именно поэтому в Великой Мин все как один пытались сдать Императорский экзамен.

Как бы то ни было, став чиновником после стольких лет (порой даже десятков лет!) учебы, каждый стремился получить то, о чем так мечтал: кто-то желал служить стране, кто-то – приносить пользу народу, тогда как другие стремились заработать денег или заполучить как

можно больше власти, чтобы подняться на вершину мира. В этом не было ничего странного.

Однако так упорно трудиться и получить должность старшего магистрата четвертого ранга лишь ради того, чтобы издеваться над заключенными, рискуя быть пойманным и лишиться должности? Неслыханно!

Что все это могло значить?

Неужели Хуан Цзилун был настолько глуп? Или он сошел с ума? Или имел настолько извращенный ум, что издевался над заключенными ради удовольствия?

Тан Фан был не в силах этого понять. Теперь стало ясно, почему этот случай привлек внимание Императорской Стражи.

— Хуан Цзилун не объяснил, зачем он это делал?

— После ареста он молчал как рыба, – покачал головой Суй Джоу, – и отказался поведать нам что-либо.

Хуан Цзилун был доставлен в столицу, задание можно было считать выполненным. Теперь за него отвечали уже другие люди и другие учреждения, и Суй Джоу больше не следовало вмешиваться.

Пока они говорили, вернулась А Дун с чашками. Стоило двери распахнуться, как Тан Фан ощутил проникающий в комнату аромат.

Его только что согретый имбирным отваром живот внезапно заурчал от голода.

— Как вкусно пахнет! – не удержался от восклицания господин Тан.

А Дун поставила чашки на стол и заискивающе произнесла:

— Эту кашу братец Суй лично приготовил. Конечно, вкусно пахнет! Там и мясной фарш, и шиитакэ, и сельдерей, и даже кусочки арахиса! Братец Тан, братец Суй замечательный человек! Такой замечательный человек!

Будучи застигнутой врасплох Суй Джоу во время того, как перемывала косточки ему и его двоюродной сестре, молодой госпоже Чжоу, девочка изо всех сил старалась реабилитироваться в его глазах.

К сожалению, она была слишком мала, чтобы придумать какие-то хвалебные речи. Все, на что она была способна, это несколько раз назвать его «замечательным человеком».

Тан Фан искоса взглянул на нее, однако обличать не стал. Опустив голову, он зачерпнул ложкой горячей каши и, немного подув на нее, отправил за щеку.

Разваренный на слабом огне рис наполнял рот ароматом мяса.

Шиитакэ с арахисом сделали вкус каши незабываемым. И жевать много не приходилось, так как она была не только вкусной, но и мягкой. Самое полезное из всего, что только можно

придумать, для так давно голодающего господина Тана!

Тан Фан, не в силах больше говорить, усердно заработал ложкой.

Взглянув на него, Суй Джоу также принялся за еду.

Замедлились они, только когда их тарелки почти опустели.

— В префектуре Шунтянь много чего произошло? – спросил Суй Джоу.

Вспомнив его слова о том, что он похудел, Тан Фан покачал головой:

— Не в префектуре.

Отправив А Дун спать, он поведал Суй Джоу обо всем, что случилось.

Однако, когда речь зашла о внутренних делах дворца, пришлось кое-что опустить из-за запретов на разглашение. Он был близок с Суй Джоу, но болтать слишком много все же не следовало. Меньше знаешь – крепче спишь.

Тан Фан рассказал лишь пару основных моментов, и много о чем умолчал. Однако Суй Джоу и не нуждался в подробном объяснении, так как был достаточно умен, чтобы догадаться об остальном сам.

Выслушав его, Суй Джоу долго молчал, как будто думая над чем-то, а затем ответил:

— В деле много неясного. Ван Джи – евнух, ему не будет вреда. А вот тебе лучше не копаться слишком глубоко.

Посыл был ясен: Ван Джи был евнухом, он был близок с Императором и Благородной наложницей, тогда как Тан Фан был обычным мелким чиновником, к тому же не входящим во Дворец. Если бы он узнал слишком много и задел бы кого-то наверху, избавиться от него не составило бы особого труда

— Не волнуйся, – улыбнулся Тан Фан. – Преступник уже был осужден на казнь, так что я больше не могу ни на что повлиять. Впредь я не стану вмешиваться в дела евнуха Вана.

Тан Фан был, конечно, чрезвычайно умным и сообразительным, но даже он не мог знать, что в будущем ему еще не раз придется иметь дело с евнухом Ваном и даже существенно повлиять на его политическую карьеру, которая без Тан Фана обещала быть яркой, но короткой, как падающая звезда.

Он доел кашу и, отставив миску в сторону, одобрительно проговорил:

— А Дун уже довольно неплохо готовит. Но ты в этом просто мастер! Я же, по сравнению с вами, просто безрукая посредственность!

В глазах Суй Джоу промелькнула слабая улыбка:

— Мы оба тут, зачем тебе готовить?

«Ну конечно, – подумал Тан Фан, – а когда А Дун выйдет замуж, а ты женишься, мне что прикажете делать?»

Гурман господин Тан совсем не обрадовался словам своего хорошего друга, а наоборот, почувствовал ужасное раздражение.

Было уже поздно, они еще немного поболтали, а затем разошлись спать по своим комнатам.

И даже несмотря на выпитый имбирный отвар, на следующий день Тан Фан все-таки слег с простудой.

Причем заболел господин Тан так сильно, что даже с кровати подняться не мог.

Он лежал с температурой, без конца кашлял. Лицо пылало алым цветом, а взор подернулся пеленой.

Однако нет худа без добра: теперь ему не нужно было ходить в префектуру и работать. Господин Тан мог наконец взять больничный и с чистой совестью похворать дома.

Да, болеть не очень-то приятно, но вот забота, которой окружают больного, это что-то потрясающее! Ему готовили и приносили еду в кровать. Да даже умыться самому не нужно было, потому что кто-нибудь обязательно намочил бы тряпочку и помог бы ему протереть лицо.

Однако господин Тан все еще чувствовал себя крайне несчастным.

От одного взгляда на рисовую кашу и маринованные овощи он ощутил их пресный привкус во рту. Тан Фан тотчас принялся упрашивать человека напротив:

— Можешь добавить туда немного мяса? Говяжьей подливки или маринованных свиных ножек? Ладно?

Взглянув на несчастное выражение лица господина Тана, Суй Джоу сдержался от смеха, и все с тем же холодным и равнодушным лицом ответил:

— Нет.

Господин Тан чихнул, слезы подступили к краешкам век. В глазах помутилось, в носу все еще сильно зудело. Вид у него стал еще более жалким.

Однако сердце Байху Суй было твердо как камень. Даже столь печальная картина его не тронула. Он лишь протянул господину Тану тарелку с рисовой кашей:

— Сам съешь или мне тебя покормить?

— Сам съем! Сам съем! – капитулировал господин Тан.

Шутка что ли! Если его будут кормить с ложечки, весь его величественный образ вмиг улетучится.

Однако вновь взглянув на эту безвкусную рисовую кашу и ужасно соленые овощи, он снова

потерял аппетит.

И в это самое время Небеса послали ему спасителя.

А Дун показалась на пороге:

— Братец, там к тебе кто-то пришел. Кто-то очень внушительный. Говорит, что из Западной Ограды.

В надежде, что на этот раз может вздохнуть с облегчением, Тан Фан уже собирался убрать чашку, но Суй Джоу так холодно посмотрел на него, что он тотчас снова смущенно поднял ее.

Попросив А Дун проследить, чтобы Тан Фан во что бы то ни стало съел всю кашу, Суй Джоу поднялся и вышел.

Стоило покинуть комнату, как он заметил двух приближающихся к нему людей.

Первый из них, несмотря на то, что был одет в обычную одежду, шел, заложив руки за спину, а его высокомерное выражение лица говорило о том, что он был не простым человеком. Суй Джоу без проблем узнал его.

Пришедшим был не так давно известный командующий Западной Оградой, унаследовавший от своего предшественника Ван Чжэня репутацию коварного и могущественного евнуха, Ван Джи, евнух Ван собственной персоной.

И хотя он был здесь лишь гостем, Ван Джи не стал дожидаться, пока хозяин дома встретит его, а тотчас вошел сам. Как будто тут и не жил никто – действительно очень внушительный!

Он шел и без конца комментировал:

— Во дворе слишком много растений и цветов. Рассажены как пришлось человеком явно несведущим. Слишком пестро! Безвкусица!

Суй Джоу вежливо сложил руки:

— Не знал, что Командующий Ван придет. Прошу прощения за ожидание.

Таким он был человеком. Даже со Вдовствующей Императрицей говорил с невыразительным мертвенным лицом. Однако поскольку Суй Джоу был очень эффективным и исполнительным, а также приходился Вдовствующей Императрице родственником, Император Чэнхуа и Вдовствующая Императрица Чжоу очень любили его. Он не был бездельником и не злоупотреблял родственными связями, так что был намного лучше прочих бесполезных родственников Императора.

Вдовствующая Императрица Чжоу любила приговаривать: «Наш А Джоу такой-то, наш А Джоу такой-то!»

А Император Чэнхуа даже как-то сравнил Суй Джоу с Сунь Цзицзуном, старшим братом Вдовствующей Императрицы императора Инцзуна, госпожи Сунь.

Что за человек был Сунь Цзицзун? Он был самым известным императорским родственником времен прошлого и нынешнего императоров, который умудрился завоевать доверие их обоих. Верхов на коне он руководил армией, помог императору Инцзуну вернуть трон и переписать историю.

Насколько ему доверял Император? Настолько, что передал Сунь Цзицзуну всю военную власть, не дав тому уйти в отставку. И каждый раз прислушивался к его мнению при обсуждении важных вопросов. Несколько лет назад, когда ему только даровали титул главнокомандующего, гражданские чиновники подали жалобу, в которой говорилось, что родственники Императора не могут обладать военной властью, однако Император их просто проигнорировал.

Когда родственник Императора добивается таких высот, это не может не вызвать в сердцах людей зависть и гнев.

Вне зависимости от того, действительно ли Суй Джоу походил на Сунь Цзицзуна, или Сын Неба, видя любовь Вдовствующей Императрицы к Суй Джоу, просто решил похвалить его, чтобы порадовать свою матушку, после столь высокой оценки статус Суй Джоу значительно повысился.

И хотя сам он не желал пользоваться родственными связями, будучи лишь обычным Байху Императорской Стражи, со временем, возможно, он смог бы добиться многого. Несложно найти человека, обладающего высоким статусом, и компетентного отыскать не составит труда, а вот того, кто обладает и тем, и другим попробуй откопай!

Именно поэтому, хоть Ван Джи и пользовался благосклонностью Императора с Благородной наложницей Ван, и обладал огромной властью, волей не волей ему пришлось сдержаться и умерить свою гордость в разговоре с этим человеком. В ответ на приветствие Суй Джоу он также вежливо сложил руки:

— Да кто я такой? Хозяин уже здесь! Не обращайтесь внимания на мои опрометчивые комментарии!

Он говорил это так небрежно – было не похоже, что ему действительно жаль. Однако Суй Джоу не желал с ним связываться.

— Командующий Ван слишком вежлив.

После этих слов оба разом замолчали, продолжая молча изучать друг друга.

Один размышлял о намерениях второго.

Второй раздумывал над тем, какие отношения связывают первого с Тан Фаном.

Со стороны они напоминали двух мастеров боевых искусств, встретившихся на узкой дорожке, готовых в любой момент скрестить клинки.

Послесловие автора:

Пытки Хуан Цзилуна над заключенными – это реальная история. Не знаю, о чем он думал. Могу лишь сказать, что в те времена вообще много всяких ужасов происходило. Чтобы построить гармоничное общество, господину Тану придется изрядно попотеть и пройти долгий путь -_-

Мне поступило много вопросов, давайте ответчу на все тут:

1. Некоторые товарищи пишут, что раз эта история не про переселение душ и не про попаданчество, то тут все закончится трагедией. На самом деле, Тан Фан – это персонаж, которого никогда не существовало, но он уже успел повлиять на Ван Жи, так что ход истории уже давно изменился. Что касается трагедии: главный герой точно не трагический персонаж. Если брать в расчет трагедию в исторических масштабах, то даже если бы это была история про попаданцев, которые бы вдруг случайно продлили существование Великой Мин еще лет эдак на пятьсот, она бы в конце концов все равно пала. Все всегда кончается. Чего лишнего раз переживать? Кроме того, будущая должность Тан Фана также повлияет на ход истории.

2. Некоторые товарищи высказались, что в последнее время как-то мало преступлений раскрывается, и я слишком много внимания уделяю историческим моментам. Но это не так. Я уже говорила в самом начале, что в этом произведении рассказывается о том, как главный герой расследует преступления и продвигается по службе. Он не может лишь разрешать одно дело за другим и просто получать повышение, верно? В официальных кругах не обойтись без интриг. Да и вообще все вертится вокруг политической ситуации в стране. Без нее никак. Как я уже сказала в п.1., будущая должность Тан Фана повлияет на ход истории, так что тут уж точно парой раскрытых дел не обойдется.

3. Что касается тех, кто не хочет читать про наследного принца: дело в том, что наследный принц в будущем станет императором. Он реально был таким хорошим. Так написано в исторических источниках, я его не приукрашивала. Тан Фан в будущем займет высокую должность. Только заручившись поддержкой наследного принца, он может стать министром, пользующимся доверием будущего императора, и обеспечить себе блестящее будущее ~~ Другими словами, чем лучше впечатление Тан Фан производит на принца, тем более блестящее будущее его ждет ~

4. Кроме того, некоторые пишут, что господин Тан какой-то слишком святой, поскольку во время расследования ведет себя как проповедник. Если он будет предвзято относиться к какой-то из сторон, все тотчас решат, что он некомпетентен, поэтому он озвучивает вину каждой из сторон. Но, по правде говоря, это не значит, что господин Тан напрочь лишен чувств и предубеждений, просто из-за своего положения он не может руководствоваться одними лишь чувствами. Помимо того, что дела – основной двигатель сюжета, они также помогают раскрыть, на что он способен. Об этом будет написано позже, просто поверьте ~

5. Некоторые товарищи хотят читать только про раскрытие преступлений, а кто-то желает читать только про бытовуху. Я понимаю, но в произведении нужно соблюдать некий баланс, поэтому я стараюсь уделять внимание и тому и другому. Еще раз: детективная часть – основная сюжетная линия, тогда как интриги и бытовуха – второстепенные.

Примечания переводчика:

* «Он глядел на А Дун несчастными глазами, приоткрыв рот» - На самом деле, Мэн Сиши решила не утруждать себя описаниями и просто вставила смайлик: “(○○○)”. Гениально! Но мне

стало жаль себя, когда я буду читать это своим, так что пришлось нафантазировать.

Как вы уже могли заметить, я приняла решение вернуть Гуанчуаню букву «а» в имени) Все, кто корежился от моего «Гуанчуня», возрадуйтесь!

Мне очень понравилось, как описаны мысли Тан Фана, когда он увидел этих троих за одним столом.

Тан Фан ревнует, как ребенок. «На зло маме отморожу уши», - и уснул на улице)))

Зато теперь этим нехорошим приходится о нем заботиться. Все, что ни делается, все к лучшему, как говорится)))

А Суй Джоу, действительно, как мамка, вернувшаяся с работы. Что ели без меня? Ничего! Голодали)))

<http://tl.rulate.ru/book/50212/1513864>